

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РОСФСР

№ 110 (426)

24 АВГУСТА 1934 ГОДА

Цена 20 коп.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЫРОСЛА В МОГУЧУЮ СИЛУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕРВОГО С'ЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ЗАСЛУШАВ И ОБСУДИВ ДОКЛАД А. М. ГОРЬКОГО О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, СОДОКЛАДЫ О ЛИТЕРАТУРАХ УКРАИНСКОЙ ССР, БЕЛОРУССКОЙ ССР, ГРУЗИНСКОЙ ССР, АРМЯНСКОЙ ССР, АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР, ТАДЖИКСКОЙ ССР, ТУРКМЕНСКОЙ ССР, УЗБЕКСКОЙ ССР И ТАТАРСКОЙ АССР И СОДОКЛАД О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, КОНСТАТИРУЕТ, ЧТО СОВЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОБЕДОНОСНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗГРОМА КЛАССОВЫХ ВРАГОВ ПРОЛЕТАРИАТА И ТРУДЯЩИХСЯ СССР ВЫРОСЛА В МОГУЧУЮ СИЛУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС В ДУХЕ СОЦИАЛИЗМА. ПОД РУКОВОДСТВОМ ГЕРОИЧЕСКОЙ ВКП(б) ВО ГЛАВЕ С Т. СТАЛИНЫМ И БЛАГОДАРИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ПОМОЩИ ПАРТИИ ПИСАТЕЛИ ВСЕХ НАРОДОВ СССР ПРИШЛИ НА СВОЙ ПЕРВЫЙ С'ЕЗД КАК КОЛЛЕКТИВ, ИДЕЙНО, ОРГАНИЗАЦИОННО И ТВОРИЧЕСКИ СПЛОЧЕННЫЙ ВОКРУГ ПАРТИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЕДИНОМ СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. С'ЕЗД ОДОБРЯЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ОСУЩЕСТВИВШЕГО ЗАДАЧУ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОБЕСПЕЧИВШЕГО ПОДГОТОВКУ ИХ ПЕРВОГО С'ЕЗДА.

С'ЕЗД ОТМЕЧАЕТ ВЫДАЮЩУЮ РОЛЬ В ЭТОМ ДЕЛЕ ВЕЛИКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО.

С'ЕЗД ПОРУЧАЕТ РУКОВОДЯЩИМ ОРГАНАМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, УЧТА ДОКЛАДЫ И ОБМЕН МНЕНИЙ НА С'ЕЗДЕ, НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО РАЗРАБОТАТЬ ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ СОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ В ИХ ТВОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ, ПОМОЩИ МОЛОДЫМ НАЧИНАЮЩИМ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УКРЕПЛЕНИЯ СВЯЗИ ПИСАТЕЛЕЙ С ТРУДЯЩИМИСЯ МАССАМИ С ТЕМ, ЧТОБЫ ВСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧИЛА БЫ ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ ТВОРИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СОЗДАНИЕ ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННЫХ, ПРОНИКНУТЫХ ДУХОМ СОЦИАЛИЗМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА.

ВЧЕРА НА С'ЕЗДЕ

Первым на вечернем заседании выступает известный белорусский писатель МИХАСЬ ЛЫНЬКОВ. Один из центральных моментов его выступления это вопрос о РАВНОДУШИИ, о писателях, от которых советской литературе ни тепло, ни холодно, писателях, для которых весь мир ограничивается кабинетом и письменным столом.

Тов. ЛЕЛЕВИЧ сопоставляет методы разрешения национальной проблемы национал-социалистами и в СССР. На конкретном примере культурного и хозяйственного развития народов Дагестана Т. Лелевич показывает всю гениальность ленинской постановки вопроса о возможности развития остальных наций, минуя капиталистическую стадию общества, если им на помощь приходит диктатура пролетариата.

Украинская детская писательница Т. ЗАБИЛЛА рассказывает о достижениях украинской детской литературы.

С большим интересом отнесся к выступлению Д. БЕРГЕЛЬСОНА.

Мы не умеем без потерь собирать наш урожай. Этому мешает отсутствие наших «технических средств». Мы нередко еще заимствуем эти средства в буржуазной литературе. Но они нас сейчас удовлетворить не могут. Новое качество конфликтов требует нового качества художественной формы.

Тов. БЕСПАЛОВ считает, что вопросы художественной формы заняли мало места в прениях по докладу А. М. Горького и содокладам национальных республик. Но этот недостаток возмещается тем, что с'езд со всей конкретностью подчеркнул, что литература в СССР стала, по ленинскому завету, частью общепролетарского дела.

Тов. ПАНФЕРОВ отвечает все утверждения в том, что он предлагает совершенно игнорировать классическое наследие. Он настаивает лишь на одном, — чтобы критики, пишущие о художественной литературе, усвоили, что в области языка, как и во всех других областях жизни и творчества, отражаются классовые процессы, что художник не может пройти мимо тех новых языковых явлений, которые обусловлены ростом и развитием социалистических отношений.

С приветствием с'езду выступила на вечернем заседании делегация от ОКУЛОВСКОГО ПИЩЕУМАЖНОЙ ФАБРИКИ.

Большое внимание всего с'езда привлекало выступление на вечернем заседании БРУНО ЯСЕНСКОГО, рассказавшего о своем своеобразном творческом пути, приведшем писателя от успешного сюжетного романа «Я жгу Париж» к реализму показа социалистической стройки Таджикистана в романе «Человек меняет кожу». Б. Ясенский заявил, что за четыре года, прошедших с момента его приезда в Советский союз до момента, когда он решился опубликовать свое первое произведение на советскую тематику, он, обладавший значительным литературным опытом и техническими литературными навыками, убедился в том, что наша действительность не может быть отнесена в рамки старой литературы.

Дружной овацией встретил с'езд доклад одного писателя, одного из крупнейших советских писателей от КАРД РАДЕК.

который, не часто балует наши литературные собрания своим участием: Исаак Эммануилович БАБЕЛЬ поставил перед писателями вопрос о том, что «в борьбе нужны хорошие слова, но это должны быть хорошие слова». Бабель говорил о вреде произведений, рожденных пылким сердцем и казенным воображением, о подлинной страсти настоящего большого художника говорил он в полноте, как главным врагом молодого искусства социализма.

Выступивший затем А. АРОСОВ, отмечая ряд пробелов в современной литературе, указал на то, что в ней не получили, в частности, достояния отражения герои революции 1905 года.

Горько встретили участники с'езда выступление известного грузинского поэта ПАОЛА ЯШВИЛИ, резко подчеркивавшего необходимость вынуждать нашей литературой молодежи правильное понимание того, что «нужно много потрудиться, чтобы получить право называться настоящим писателем».

Неоднократно прерываемую аплодисментами, темпераментно, как всегда, речь произнес ВС. ВИШНЕВСКИЙ. Он подчеркнул политическое значение того факта, что 65 чл. делегатов всесоюзного писательского с'езда составляют коммунисты и комсомольцы, представляющие 57 национальностей Советского союза. Вс. Вишневецкий сделал ряд конкретных предложений: в частности, собрать материалы истории дальневосточных интервенций, чтобы разрушить легенду о неопределенности японской армии, усиленно распространяемую «империалистскими литераторами», финансирующейся Японией.

Приветствуемый овацией всего с'езда, а большей частью выступил наш гость, известный французский писатель АНДРЭ МАЛЬРО, его выступление переводил Ю. ОЛЕША. — Вы уже можете работать для пролетариата — сказал, между прочим Мальро, — в то время как мы, революционные писатели Запада, еще принуждены работать против буржуазии. В содержательной и остроумной речи, мясистой по построению, Андрэ Мальро поставил перед советскими писателями ряд серьезных творческих вопросов.

Последним на вечернем заседании выступил Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ.

После выступления Т. Либединского с'езд принимает предложение о прекращении прений. Принимается и сведение и сообщение Т. П. ЮДИНА о том, что все докладчики отказываются от заключительных слов, а А. М. Горький использует свое право председателя с'езда, чтобы произнести заключительное слово в конце с'езда.

В конце вечернего заседания слово для предложений от имени московской, ленинградской, украинской и закавказской делегаций получает Т. М. ШОЛОХОВ, горячо приветствуемый участниками с'езда. Тов. Шолохов зачитывает текст резолюции, предлагаемой рядом представляемых им делегаций, по докладу А. М. Горького, содокладом С. Маршак и о литературе национальных республик. Резолюция принимается единогласно.

Сегодня на утреннем заседании с'езда с докладом о международной художественной литературе выступил

ВЧЕРА ЗАКОНЧИЛИСЬ ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

МЫ СЧАСТЛИВЕЙШИЕ ИЗ ЛЮДЕЙ!

РЕЧЬ тов. ФЕЛИКСА КОНА

Уважаемые товарищи! Разрешите приветствовать вас от Общества бывших политкаторжан (Аплодисменты).

Перед вами, товарищи, здесь прошли рабочие-ударники, пионеры, колхозники, променя целый ряд писателей, прошли красноармейцы, прошли краснофлотцы.

Мне хочется пополнить эту галерею представших перед вами теми людьми, которые были у колыбели рабочего движения, которые через тюрьмы, через этап, через каторгу пронесли красное знамя революции и сегодня стоят перед вами, не как инвалиды, не как те, которые пришли жаловаться на вынесенные наказания, а как активные борцы за социализм. (Аплодисменты).

Если, товарищи, нам в течение десятков лет пребывания в тундрах Сибири, на каторгах Шлиссельбурга, Кабы, Акатуя, Орла, Александровска и в бесконечном множестве других каторжных тюрем удалось сохранить силы для того, чтобы теперь бороться, то это исключительно потому, что мы чувствовали себя членами великого рабочего класса (Аплодисменты).

Хотя многие из нас были интеллигентами, но в этой борьбе мы влились в рабочий класс, саялись с ним и чувствуем себя членами этого класса. (Аплодисменты).

Уважаемые товарищи, чувствовать себя членами рабочего класса — это значит жить жизнью этого класса, жить той ненавистью к капитализму, которую он питает. Это не значит, что каждый из нас, многочисленных борцов, индивидуально не испытывает этой ненависти. Эта ненависть есть. Она нам помогала в борьбе, и эту ненависть разделяли мы со всем рабочим классом. Она действовала на нашу волю «выдержать и победить».

Товарищи, мы счастливейшие из людей. Мы после полувековой борьбы присутствуем теперь при строительстве социализма, и мне хотелось бы обратить ваше внимание на один момент. Мы ждали десятки лет, веруя в эту победу. Когда грянула Октябрьская победа, случилась то, чему связанными мы являемся на этом с'езде. Везь Октябрьская победа — это великий лаг, который снял верхний слой, лавинный на нижние, не позволявший им расти, и обнажил новые слои, ростки которых все выше и выше поднимаются вверх.

Мы видим теперь то, о чем говорил Ленин еще задолго до революции: «Творческая сила пролетариата мы еще не знаем. Мы увидим их, опутим их, когда пролетариат сбросит иго капитализма».

Октябрьская революция совершила это, творческие силы пролетариата проявились, и новые ростки, невзданные раньше, исходящие из слоя, равные приданного, теперь с могучей силой поднимаются вверх.

Многие упоминали здесь о челоукинках, о завоевании стратосферы, разложении атома — о целом ряде явлений, которые поражают мир. Это только конденсированное выражение того, что ощущается всем рабочим классом. Перепрозрачу нашу песню, я бы сказал: «И в каждом ударнике дышит когустество нашей страны».

И когда я слышал здесь выступления национальных писателей, раньше забытых и загнанных, когда я слышал здесь колхозников, рассказывавших про былые, мне невольно вспоминались первые годы революции, вспоминалось, как тогда, на всех пререкрестках, говорили, что «пролетарии большевики» уничтожат культуру, уничтожат цивилизацию, уничтожат все.

Не напоминает ли это вам, писателя, известную сказку Андерсена про гадкого утенка, появлением которого отлученные утки в своих грязных болотах, в покрытых илешесными прудах были шокированы, которых коробило, то на их птичьим дворе появилась какой-то дикий, галки утенок. Оказалось, что этот утенок расправив крылья стал величественным лебедем и вспорхнул в высоту.

И теперь, когда мы собрались на этот с'езд, когда мы констатируем победы на всех участках, позволяете вам пожелать от нас, старых революционеров, чтобы вы создавали такие образы, которые увидев бы весь мир, чтобы он понял, что только на пути, по которому ведет наша коммунистическая партия, мир, наконец, освободится от трижды проклятого капитализма. (Аплодисменты).

Да здравствует наш I-й с'езд! (Бурные аплодисменты).

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЛОДОСТИ

РЕЧЬ тов. Ю. ОЛЕШИ

В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не верю, что возможен человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным или трусом или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника. В художнике это проявляется особенно ярко, и в этом одно из удивительных свойств художника: испытать чужие страсти.

В каждом заложены ростки самых разнообразных страстей: и светлых и черных. Художник умеет вытягивать эти ростки и превращать их в деревья.

Есть наиболее дорогие цветения в Льево Толстом — Платон Каратаев и капитан Тушин, тем не менее очень легко вырастают в душе Толстого-художника и с полной чувственностью переживаются такие страшные картины, как соблазнение отца Сергея коротконогой дурочкой Марией. Нельзя описать третье лицо, не сделавшись хоть на минуту этим третьим лицом. В художнике живут все пороки и все доброты.

Очень часто спрашивают художника: откуда вы знаете? Это вы сами выдумали? Да, художник все выдумывает сам. Конечно, нельзя ничего выдумать того, чего нет в природе... Но отношения у художника с природой таковы, что она ему открывает некоторые свои тайны.

Образ труса я могу создать на основе чрезвычайно выточенных воспоминаний детства при помощи памяти, в которой сохранился намек, след, контур какого-то, может быть, только начавшегося действия, причной которого была трусость.

Можно написать книгу под названием «Машина превращений», в которой рассказать о работе художника, показать, как те или иные жизненные впечатления превращаются в сознании художника в образы искусства. Это исследование области, область, которая кажется таинственной, потому что она еще не освоена.

Работа этой машины — машины превращений — весьма чувствительна для всего организма. Движения ее не обходятся для организма даром, и отсюда трудность такой вещи, как быть художником.

Отношения с хорошим и плохим, с пороком и добродетелью у художника чрезвычайно не простые. Когда изображаешь отрицательного героя, сам становишься отрицательным, поднимаешь со дна души злое, грязное, т. е. убеждаешься, что оно в тебе есть, это плохое и грязное, а следовательно, берешь на сознание очень тяжелую психологическую нагрузку.

Тете сказал однажды: «Я хотел еще раз прочесть «Макбета», но не рискнул. Я боялся, что в том состоянии, в каком я тогда находился, это чтение меня убьет».

Образ может убить художника.

Шесть лет назад я написал роман «Зависть». Центральным персонажем этой повести был Николай Кавалеров. Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип является автобиографическим, что Кавалеров — это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, были вынуты из самого заветного угла, из ящика нешторных наблюдений.

Как художник, проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу, силу первой вещи, силу пересказа первых впечатлений. И тут сказаны, что Кавалеров пошляк и ничтожество. Знаю, что много в Кавалерове есть моего личного, я принял на себя это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло.

Я не поверил и притаялся. Я не поверил, что человек со свежим вниманием и умением видеть мир по своему может быть пошляком и ничтожеством. Я сказал себе: значит, все это умение, все это мое собственное, все то, что ты сам считаешь силой, есть ничтожество и пошлость. Так ли это? Мне хотелось верить, что товарищи, критиковали меня (это были критики-коммунисты), правы, и я им внял. Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле ничто.

ническое воображение пришло на помощь, и под его дыханием голая мысль о социальной неужности стала превращаться в вымысел, и я решил написать повесть о нем.

Вот я был молодым, у меня было детство и юность. Теперь я живу, никому неужный, пошлый и ничтожный. Что же мне делать? И вот я становлюсь ним, самым настоящим нимом. Стою на ступеньках в аптеке, прошу милостыню, и у меня ключка «писателя».

Это ужасно удручающая для самого себя история; ужасно приятно жалеть самого себя.

Опустившись на самое дно, боюсь, в ватном пиджаке, иду я по стране и прохожу ночью над стройками. Ваши строек, огонь, а я иду бошой, и вот однажды, в странное утро, в чистоте и свежести утра, я прохожу мимо стены. Бывает иногда, что в поле, пелелеко от заселенной местности, стоит полуразрушенная стена. Луг, несколько деревьев, чертополох и кусок стены и тень от стены на лугу еще более четкая, и прямоугольная, чем сама стена. И вот я начинаю идти от угла и вижу,

что в стене арка — узкий вход с закругленной в виде арки вершиной, как это бывает на картине Возрождения. Я приближаюсь к этому выходу, вижу порожек. Перед ним ступеньки. Заглядываю туда и вижу необычайную зелень... Может быть, здесь холат козы. Я переступаю порожек, вхожу и потом стою на себя и вижу, что это молодость, вернувшаяся молодость.

Во мне вдруг неизвестно почему возвращается молодость. Я вижу молодую кожу рук, на мне майка, я стал моложе — мне 16 лет. Ничего не надо — все сомнения, все страдания прошли. Я стал молод. Жизнь вперед!

Я хотел написать такую повесть. Я думал над ней. Я делал выводы и я понял, что главная моя мечта — мечта сохранить право на краски молодости, главная моя мечта — защитить свежесть мою от утверждения, что она не нужна, что свежесть есть пошлость.

Я не виноват, что моя юность проходила в условиях, когда мир, окружающий нас, был страшен.

Я понял, что причина такой кошмарной есть желание доказать, что во мне имеется сила красок и что будет несправедливо, если эти краски не будут использованы.

Я этой повести о нем не написал. Тогда я не понимал, почему это происходит, почему я не мог ее написать. Я это понял позже. Я понял, что дело не во мне, а дело в том, что окружает меня. Свою молодость я не утратил. Мне не надо думать о ее возвращении потому, что я художник. Но каждый художник может писать только то, что он может писать.

В то время как я продумывал тему нищего, искал молодости, страна строила заводы. Это была первая пятилетка создания социалистической промышленности. Это не было моей темой. Я мог поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было моей темой, не было темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего языка.

Я не был в этой теме настоящим художником. Я бы лгал, выдумывал, у меня не было бы того, что называется вдохновением. Каждый может писать то, что он может писать. Мне трудно понять тип рабочего, тип героя революционера. Я им не могу верить. Это выше моих сил, выше моего понимания, поэтому я об этом не пишу. Я испугался и стал думать, что никому не нужно, что художнические мои особенности не к чему прилагать, и поэтому вырос во мне ужасный образ, которого огляно все. Худож-

убивал.

А в это время молодела страна. Уже есть юноши, которым 17 лет и которые ни одной своей мыслью не принадлежат к старому миру.

Тогда, сочиня «Нищего», я заглядывал в волшебную арку и не понимал главного, что я верю в молодость страны, что не свою молодость я хочу вернуть, а хочу увидеть молодость страны, новых людей.

Теперь я их вижу. И у меня есть гордая мысль считать, что их начинающаяся молодость есть до известной степени возвращение моей молодости. Самое страшное — это увидеть себя, говорить, что я ничто по сравнению с рабочим или комсомольцем. Как можно так говорить и продолжать жить и работать? Нет, во мне хватает гордости сказать, что несмотря на то, что я родился в старом мире, во мне, в моей душе, в моем мозгу, в моем воображении, в моей жизни, в моих мечтах есть много такого, что ставит меня на один уровень и с рабочим и с комсомольцем. И принимаю от рабочего и комсомольца пожелания о том, как я должен жить и работать, я знаю, что это не есть тот разговор, когда один говорит, а другой молчит и слушает, а тот разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход.

Много было во мне такого в моей юности, в моих мечтаниях, в моих отношениях к миру, что и теперь я могу изобразить в произведении как принадлежавшее человеку нового мира, молодому комсомольцу и рабочему. Мир стал моложе. Появились молодые люди. Я стал зрелее, окреп мыслью, но краски внутри остались те же. Так произошло чудо, о котором я мечтаю, заглядывая в арку. Так мне вернулась молодость.

Это, конечно, торжественное, фигуральное выражение.

Дело гораздо проще. Дело в том, что люди, которые строили заводы, герои строительства, те, которые коллективизировали деревню, делали все то, что казалось мне непонятным и превращало меня в нищего, эти люди — слова мои! — всей своей удивительной и пропавшей мимо меня деятельностью создали государство, социалистическую страну, родину!

В этом государстве растет первое молодое поколение, растет советский молодой человек. Как художник я бросаю на него: «Что ты, какие ты вышиви краски, снятся ли тебе сны, о чем ты мечтаешь, как ты ощущаешь себя, как ты любишь, какие у тебя чувства, что ты отвергаешь и что признаешь, какой ты, что в тебе преобладает, чувство или расунок, умеешь ли ты плакать, нежен ли ты, все ли ты понял, все ли ты пуламо, чего я не понимаю, какой ты, молодой человек социалистического общества?»

Я не могу писать, не найду между собой и тобой аналогии.

Я хочу создать тип молодого человека, надеясь его лучшим из того, что было в моей молодости.

Я считаю, что историческая задача для писателя — создать книги, которые вызвали бы в нашей молодежи чувства подражания, чувства необходимости быть лучше. Нужно выбрать все лучшее в себе, чтобы создать комплекс человека, который был бы образцом. Писатель должен быть воспитателем.

Я лично поставил себе задачей писать о молодых, я буду писать пьесы и повести, где действующими лицами будут решать задачи морального характера. Где-то живет во мне убеждение, что коммунизм есть не только экономическая, но и нравственная система и первыми воцелителями этой стороны коммунизма будут молодые люди и молодые девушки.

Все свое ощущение красоты, изящества, благородства, все свое видение мира — от видения огулавчика, руки, перья, прыжка до самых сложных психологических тончайших — я постараюсь воплотить в этих вещах в том смысле, чтобы доказать, что новое социалистическое отношение к миру, есть в чистейшем смысле человеческое отношение. Таково возвращение молодости. Я не стал нимом. Богатство, которым я обладаю, осталось, богатство, выражающееся в знании, что мир с его травами, зорями, красками прекрасен и что делаю его плохим человек, власть человека над человеком. Он был фантастическим и превратным этот мир при власти денег. Теперь, впервые в истории культуры, он стал реальным и справедливым. (Бурные аплодисменты).

ГЕРОИ И ОБРАЗЫ

РЕЧЬ тов. В. ГЕРАСИМОВОЙ

Тов. Герасимова говорит о высоких требованиях, которые должны быть предъявлены к нашей литературе, как к литературе первого социалистического, коммунистического государства. Высокая ее идеяность должна вытекать не только из фактов. Точкой приложения ее должно быть каждое действующее лицо художественного произведения. Между действительным и вымышленным героями советских писателей является их ахиллесов пята.

Авторы несправедливо поступают со своими положительными героями: такие герои, связанные с идейным миром прошлого, как Кавалеров или Елена Гончарова у Олеси, блестяще мыслят, их переживания сложны и эмоциональны. В то же время герои нового коммунистического мира, противопоставленные окружающим «слабым людям», в большинстве случаев лишены тонкости ума и даже, как это ни странно, — стра-

сти. Художники прошлого умели органически сливать своего героя, как человека с большими личными страстями, с образом носителя прогрессивной идеи. Поэтому, например, фигура тургеневского Базарова стоит далеко вперед положительных образов, созданных писателями наших дней.

Для преодоления этого недостатка существует у нас сейчас часто практикующийся, к сожалению, весьма плоский рецитив, герой как бы разрезается на две половинки. Одна из них изображается как некая железобетонная фигура, ватный металлический «телевек». Другая целиком погружается в частную жизнь, где герою «ничто человеческое не чуждо». В результате вместо живого человека создается некое противостественное механическое сочетание.

Задача советского писателя — найти такой аспект, в котором были бы поняты и работа, и борьба героя, и его частная жизнь, неразрывно связанная с связанная с борьбой и работой. Тот же тургеневский Базаров борется с миром отнюдь не только тогда, когда он полемизирует с Кирсановым, его личная жизнь есть та же линия борьбы. Борются с идеями старого мира герои наших литературных произведений, но не обязательно выходя на собрания, борьбой этой должен быть проникнут каждый день и каждый час его жизни. Только следуя этому творческому принципу, советские писатели смогут успешно разрешать благородную и радостную творческую задачу — осваять впервые рождающиеся, сложные, новые качества нового человека социалистического мира.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

ПАРТИЙНОСТЬ И ИСКУССТВО

РЕЧЬ тов. В.С. ИВАНОВА

— Несколько дней назад я побывал в Болшевской трудовой коммуны, где, как известно, по инициативе т. Дзержинского, на творческом труде, на основании законов социалистического общества переводятся люди, наполненные пережитками капиталистического общества, сделавшие их ворами, мошенниками и бандитами. Я вспоминаю, что в последний раз я был там лет восемь назад. Тогда там было 3-4 деревенских дома, березовая роща, болотце. Коммуны с гордостью показывали мне тогда конвейер в сапожной мастерской величиной в два этих стола.

А теперь я увидел город с фабрикой-кухней, с большими каменными домами, со стадионом. Я увидел студию, где коммуны учатся живописи и учатся хорошо. В клубе вмещалось 1 000 чел. и на тесноту которого все жалуется, мы присутствовали на репетиции удивительных болшевских хора и оркестра, замечательного оркестра, с отлично подобранными голосами, исполняющих творения классических композиторов. Об этом хоре и оркестре один из присутствующих справедливо сказал: «Эго хоть сейчас на сцену Большого театра».

Много замечательных вещей я видел в нашей стране в последние годы, много такого, что подводит итог проделанной работе по социалистическому строительству. Но контрастность того, что я видел в Болшевском, тем и сейчас, поражала меня чрезвычайно. Я расширяю рамки воспоминаний о необычайном периоде, прожитом страной, и пришел к выводу, что в нашей борьбе за качество писательской продукции мы преуменьшаем значение нашей литературы.

Я вспоминаю собрание писателей, происшедшее лет одиннадцать тому назад в Москве, когда многие из нас, ныне знающие люди от литературы, впервые приехали в Москву. Мы пожелали основание издательству «Круг», в котором тогда входило все лучшее, молодое, что имело в своей советской литературе.

Не буду, кажется, большим грехом, если я охарактеризую тогдашний период советской литературы как период, где господствовала беспартийность писателей со всеми свойственными им недостатками и ошибками, причем партийность и политика не только как состояние в коммунистической партии, но как постоянное посещение себя и других учением Маркса—Ленина—Сталина и умение видеть оружие, которое дает это учение.

Наша советская беспартийность есть особая беспартийность, а беспартийность единичная лет двадцать была совсем иной, чем сейчас.

И прочую все вспоминает декларацию «Серпантиновых братьев», к группе которых я принадлежал, декларацию, которая говорила, что «мы против всякой тенденциозности в литературе». Но и наша сепиха, и наш опыт были тогда таковы, что на практике мы не могли не писать революционных произведений, и, подписывая эту декларацию, мы в то же время были тенденциозны в своем творчестве.

Мы вошли в искусство из грозной бури гражданской войны, как взойдет путник после дождя дорога на высокую гору, с которой он видит особый, необыкновенный мир. Некоторое время вершина горы кажется путнику созданной из иного камня, чем окружающий его мир, особенно если путник впервые за свою жизнь поднимается на гору, а для жителей равнины подобие восхождения на гору наступает иногда в довольно преклонном возрасте.

Беспартийность этого особого высокого искусства, казалось нам, приближает нас к жизни, а партийность отстраняет нас от работы, которую мы только что бросили, чтобы увидеть «высокий» мир искусства. Мы рассчитывали, что запаса впечатлений, который нами приобретен благодаря нашей партийности, хватит на всю жизнь, а оказалось, что его хватило на две, на три книги; последующие книги часто были слабыми, и многие за партийность своего мышления распустились тяжелейшими потерями. То, что мы принимали за вершину горы за тишину и спокойствие вечности, было только необычайной концентрацией нашей молодости, здоровья и самоуверенности.

Жизнь быстро обучила нас. Через ряды беспартийных писателей проходили писатели-коммунисты, писатели, во имя своих утверждений активно борющиеся с высоким миром искусства, с влияниями чужой литературы, умение воспринимать все достижения буржуазной литературы, умение быстро отбрасывать без сожаления все ее недостатки, а главное, отбрасывать присущую этой литературе ложь и притворство. Я утверждал, что все без исключения подписавшие и сочувствовавшие декларацию «Серпантиновых братьев» — против тенденциозности, пропали за истинные двенадцать лет такой путь роста сознания, что не найдется больше ни одного, кто со всей искренностью не принял бы произнесения т. Ждановым формулировки, что мы за большевистскую тенденциозность в литературе. (Аплодисменты).

Мы приближаемся к партийности. Мы стали теми писателями, которые думают, что только классовое творческое объединение с жизнью есть та настоящая партийность, которая создала огромное количество собраний сейчас на сцене писателей и о которой мы имеем полное право сказать: «Эго хоть сейчас на сцену Большого театра»!

Мы сделали много. Но очень нужно говорить о самих себе плохо, но все-таки наше дарование используется нами не более, как на 10 проц. А социализм, товарищи, заключается

в том, чтобы использовать все творчество на сто и более процентов.

Писатель прошлого, писатель настоящего за границей, в капиталистических странах, есть чаще всего техник, т. е. он проводит в жизнь те изобретения, которые делает для него небольшая кучка ученых, людей науки.

Писатель социализма есть человек, который должен знать науку искусства, т. е., изучив технику своего ремесла, должен научиться изобретать, открывать; каждый раз, при каждом новом явлении, видеть это явление в свете большевистской науки, настоящей науки, науки настоящего и будущего. Мы должны непрерывно учиться, мы должны передать свой опыт молодым писателям, которые должны избежать тех ошибок, которые мы совершили в начале нашей работы, т. е. избегать беспартийности.

До сих пор мы опасаемся не только критики самих себя, но часто и того, как нас критикуют. О критике устанавливалось среди писателей довольно дикое мнение, — вроде того, которое имело один захочет о самодете. Это происходило недавно на чистке горьковского автозавода. Во время чистки заведующего кроличьей фермой спросили: «А почему у тебя перешли все кролики?» И он на это ответил, что недалеко от фермы находится аэродром и как только самолет пролетит низко над фермой, так немедленно у всех кроликов делается понос. (Смех).

У нас часто случается так, что от одной статьи критика писателя возмущает себя кроликом, а критик тогда совершенно неоправдательно чувствует себя самолетом.

Нас упрекали, и мы сами себя упрекали в отставании от жизни, но эти упреки, по-моему, преувеличены. Это вполне естественная борьба за качество. И даже тогда, когда мы будем работать на все сто процентов нашего дарования, на все пятьсот, мы все равно не достигнем жизни, ибо, товарищи, никакая литература, никакое искусство не отобразит полностью того, что происходит в Союзе наших социалистических республик. Я говорю об этом с гордостью и радостью.

Но мы отстаем не так уж сильно, повторяю я. Вот вам, товарищи, пример этого: Горький зареял в нашей среде гораздо раньше, чем знаменитый самолет. Возьмите список присутствующих на съезде, почитайте над книгами фамилиями и посмотрите, что сделано за двенадцать лет после организации издательства «Круг». Это десятилетие дало литературе не меньше чем любое десятилетие в любой стране, но ни над одним десятилетием не ведало такое молодое звание человечества, такое молодое звание коммунизма, какое веет над нами и над нашей литературой!

Партийность, товарищи, проназначила нас, обязывает работать по-новому, быть людьми науки, людьми, которые должны изобретать. И чем дальше, чем больше будет большевистская партия, тем больше мы должны изобретать.

Критика наша мало занимается поворотом. Критик часто замечает поворотство у своего же соседа-критика, который, видите ли, имел смелость обругать его. Мы мало говорим о строениях книг, о характерах, о метафорах и эпитетах. Часто мы отмахиваемся от наших задач или же мы говорим, что если буржуазная литература была сложна, то литература социалистического общества должна быть бессюжетной, как об этом, например, заявив с этой трибуны Илья Эренбург.

Разрешите мне сказать несколько слов о сюжете, о том, что говорил т. Эренбург. Вот, например, существование романа «Петр I» А. Толстого и «Большой конвейер» Я. Ильина.

«Петр I» получил достаточно благоприятные отзывы читателей и писателей. Несомненно, «Петр I» написан замечательно, и, наверное, уязвляя, что и осмеливаю сравнить «Большой конвейер» Ильина с таким большим почти эпическим произведением. А все-таки и считаю, что «Большой конвейер» с новыми особыми формами, с особой правильностью, которая свойственна нашей эпохе и которой мы вправе гордиться.

Роман движется на фоне строящегося завода, герои его почти лишены личной жизни, но они работают в таком невероятном напряжении, что вы начинаете сомневаться в той громадной ценности личной жизни, в которой ранее не сомневались.

Роман отличается чрезвычайной сюжетной сложностью, которой не может обладать ни одно произведение, созданное в условиях капиталистического общества. Огромный завод растет, побуждаемый волею нового класса и коммунистической партии. Строится завод, инженеры, рабочие

непрерывно меняются. Одни зареяют, другие сгорают, но завод растет непрерывно. Книга не имеет ни одного героя, так, например, как их имеет замечательный «Петр I». Для создания такого романа нужна большая смелость и большая жизненная опытность. Наш роман должен охватывать колоссальную массу людей, весьма разнообразных, и требовать большой изобретательности, чтобы называть их на самую сюжетную линию. У нас не может быть бессюжетных книг, у нас могут быть и могут существовать только книги с весьма сложным и новым сюжетом.

Вернемся опять к этим двум романам. Как они различны, и в то же время как их объединяет общность построения, дающая возможность проводить параллель несмотря на то, что эпохи, которые они описывают, несомненно далеки друг от друга. Эти романы, если хотите, базируются на очерке «Большой конвейер» есть история пуска одного завода. «Петр I» описывает пусковой период новой России, сменившей Московскую Русь. Не очень умный Петр Романов, человек, умеющий покупать и вышить, пускает российский предприятие. Московская Русь кричит, уныет, ругается, плачет, ест, и, наконец, предприниматель — Петр I — заставляет русских бить шведов, которых до этого наносит Россия множество поражений. В «Конвейере» люди едят меньше, хуже говорят, непрерывно заседают, но как эти люди безгранично умнее, шире и героичнее людей Московской Руси!

Но эти романы имеют одинаковый недостаток, присущий многим произведениям нашей литературы. Это «бесхарактерность». Наши писатели часто не умеют делать характеры, т. е. дать такой отщепенный признак индивиду, по которому вы узнаете его единственную и постоянную манеру существовать, мыслить и желать. Мы не умеем изображать характер, т. е. направление, заповедь нашей воле, телу, заставляющее нас реагировать на те или иные впечатления, причины и побуждения. Борьба за изображение характера должна включиться в нашу борьбу за общее качество литературы.

Мы до сих пор работаем кустарно, мы не умеем отбирать материал, мы боимся плановости в нашей работе. Я не говорю, что надо подсказывать художнику или давать темы. Наша задача заключается в том, чтобы помочь друг другу лучше оформить придуманную тему. Мы до сих пор учимся «голосам», т. е. писатель не имеет таких руководств, которые помогали бы ему, да я и не знаю, может ли существовать такая универсальная книга, по которой мог бы научиться писатель, ибо мы еще не научены читать его книги или хвасты по одному и тому же вопросу. Каждый писатель выходит в литературу со своим уже довольно большим запасом опыта и знаний, и здесь вряд ли придумаешь такую универсальную книгу, которая удовлетворила бы любовь к нас. Оному за глаза — «Теория литературы» Томашевского, а другому покажется мало и всех восторженных возгласов Андрея Белого. Каждый из нас создает в своей рабочей комнате библиотеку, но любящая из наших библиотек даже и Демьяна Белого, меньше и бедней публичной библиотеки. Каждый из нас создает около себя архив документов эпохи, но у нас еще нет публичного архива документов наших дней. Союз писателей должен создать такой архив, который не может создать ни один хотя бы самый знаменитый писатель нашего времени. Мы должны собирать дневники, переписку отдельных лиц, должны записывать биографии наших соседей по жизни, должны записывать историю советской семьи, особые стенографы должны записывать и проверять изменения, наблюдаемые нами, происшедшие в русском, украинском, туркменском и других языках нашего Союза.

Огромную работу по сбору материала проделала «История гражданской войны» и «История заводов». Этот опыт надо учесть и расширить. К биографиям бойцов, рабочих и инженеров мы должны прибавить писем, дневники обывателя, мещанина, полка, офицера. Мы не должны гнушаться записывать историю какого-нибудь «холодного сапожника», который сидит в переулке у ваших ворот. Кто знает, может быть, биография эта подарит нам такую особую черточку из нашего произведения, которую вы будете приумывать сто лет, но не приумаете.

Должен существовать, товарищи, не только Литфонд, помогающий нам посещать санатории, но и «литфонд», помогающий нам лучше посещать и видеть непрерывный, изменяющийся поток жизни. Мы должны искать новые методы работы. К сожалению, мы мало знаем об этих новых методах работы, и, кажется, некоторые из нас по очень отрывочным отрывкам. Например, с этой трибуны И. Эренбург являясь высказывался о работе литературных бригад, а утверждал, что работа в одной из таких литературных бригад (по созданию истории Беломорского канала) будет и останется для меня одним из лучших дней моей творческой жизни. (Аплодисменты). Я верю, что такое же наслаждение доставит мне создание эпита в духах второй пятилетки, где, как известно, тоже будет работать солидная литературная бригада из семидесяти советских писателей.

Мы найдем новый способ лучшей организации нашего писательского труда, но для этих поисков нужно трудиться и быть посмелее.

Я верю, что на следующий съезд мы придем с новыми замечательными достижениями, с новыми, еще более крупными, победами и первыми шагами, победами и первыми шагами, победами, которых нам сейчас еще не хватает. (Аплодисменты).

СОДЕЙСТВОВАТЬ ПОБЕДЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВКУСА

РЕЧЬ тов. И. БАБЕЛЯ

Товарищи, статья А. М. Горького о языке, мне кажется, нельзя толковать ограниченно. Они имеют значение не только то, что говорится, скажем, о какой-нибудь оплошке автора, о его небрежности, невежестве — тут больше вина, пожалуй, редактора, чем автора. Это статьи о великой ответственности и революционной важности слов в наши дни, особенно в нашей стране.

В истории человечества не было такого времени, когда за ведущим классом (а в нашей стране за рабочим классом и его партией) шли бы миллионы и десятки миллионов трудящихся людей, «плавящих» одной мыслью, одной идеей и стремлением. С этой точки зрения необыкновенно важен, а бы сказал, потрясающе наш съезд. Были у нас с'езды инженеров, профессоров, химиков, строителей, по этому с'езду, с'езду «инженеров душ» людей по самой своей профессии, по их технологическому разнородному развитию методов ощущения, вкусом, методами работы.

И никогда в истории человечества все эти люди, знающие, что такое «сопротивление материала», «сопротивление слова», не чувствовали такой силы единства, как чувствуем мы и трудящиеся нашей страны, и мы обрелись этой общностью идеи, мысли, борьбы, потому что, товарищи, борьба, выходящая за пределы нашей страны, развернется с невиданной силой во всем мире. В этой борьбе будет немало слов, но это должны быть хорошие слова, а выдуманные, пошлые, казенные слова, пожалуй, играют на руку враждебным силам. Помилость в наши дни — это уже не дурное свойство характера, а это преступление. Больше того, помилость — это контрреволюция. Помилость — один из важнейших врагов, по моему мнению.

На днях я был свидетелем такого случая. Монтер забил свою жену. Сбежалась люди. Один говорит — красивый человек, женщину избил. Другой — это припадочный. Подходит третий и говорит — какой зорь припадочный, это контрреволюционер.

Товарищи, я был растроган, когда услышал эти слова. Если в широкую массу, в толпу нашего народа воплотить такое высокое духовное понятие о революции, то действительно победа уже окончательна. За этими чувствами слова не посещают. Наша задача — облагородить эти слова. Посмотрите вы на превращения наших газет. Они были скудными, тусклыми, не отражали многообразия жизни. Но вот понятие с чудесной, возможной только в нашей стране, быстротой с ними произошло изменение.

Очерки за газетой — радостная очередь, если не говорить, конечно, с точки зрения буржуазной промышленности. (Смех, аплодисменты).

Теперь происходит как бы массовый призыв литераторов в газету; я

говорю, главным образом о газете, о брошюре, потому что это многоликие тиражи, многофункциональный рупор и этому призыву надо следовать.

Со страниц социализма сияют первые лица. Самым близким видом лица, зарядит от этого злания, красота его. И мы все — свидетели

Друж. шарж Кукрыниксы

то, как нашу страну, охватило могучее чувство просто физической радости.

Но выразители этой радости у нас иногда хромают. Иногда заруд какой-нибудь человек, в сущности глубоко умная личность, зарядит о своей радости, начнет толковать и хулить, то на таких зарудящих тошно глядеть.

Этот человек становится еще более страшен, когда он испытывает потребность объяснить кому-нибудь в любви. (Смех). Невольно громко говорит у нас о любви. Товарищи, на месте женщин я бы вынул в панику, если так будет продолжаться, им придется все барабанные перепонки. Если так будет продолжаться — у нас скоро будут объяснять в любви через рупор, как судья на футбольных матчах. И ведь дошло уже до того, что объекты любви начинают протестовать, вот как Горький вчера.

Серьезное тут заключается в том, что мы, литераторы, обязаны содействовать победе нового большевистского вкуса в стране. Это будет не малая политическая победа, потому что по счастью нашему у нас не политических побед нет. Это будет и утверждение стиля нашей эпохи. Не было в литературе, в декларациях, в объявленной способности говорить длинно, когда мысль коротка. При чем специализировать/говорить длинно можно убедить говорить коротко только тогда, когда у них никакой мысли нет. (Смех).

Стиль большевистской эпохи — в мужестве, в сдержанности, о полон огня, страсти, силы, веселья.

На чем можно учиться? По словам, я хочу сказать следующее: посмотрите, как Сталин кует свое речь, как кованы его слова, как они

планы мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом надо. (Аплодисменты).

Нам я сказал об уважении к читателю, о читателе. С ним прямо бего. Если сказать словами Зюссена, это получается форменная труба. (Смех). Вот иностранные товарищи жалуются на них. А у нас читатели наступают сожнутыми ризами, они идут прямо в кавалерийскую атаку на нас, брешим полетом восятся над головами и протягивают руку, в которую вы камень не положите. Тут надо положить хлеб искусства. Читатель требует этого иногда с трепетностью, иногда с примолвительным простодушием.

Я говорил об уважении к читателю, я говорил, что надо гипертрофировать этого читателя. Я к нему испытываю такое беспредельное уважение, что не умею, замолчу. (Смех). Представим себе аудиторию читателей человека в 500 человек больше, чем писателей, и предположим, и сельское хозяйство, и как строить металлургические гиганты, и тоже инженеры душ, тогда и чувствуешь, что тут разговорам, болтовне, гимнастической чепухой не отделаться. Тут разговор должен быть серьезный и вплотную.

Если заговорили о молчании, то нельзя не сказать обо мне — великом мастере этого жанра. (Смех).

Надо сказать прямо, что в любой уважающей себя буржуазной стране я бы давно пошел с голоду, и никакому издателю не было бы дела до того, как говорил Эренбург, кролик или слониха. Прозвезд бы меня этот издатель, скажем, в зайты и в этом качестве заставил бы меня прыгать, а не стал бы, меня заставлял бы пролыгать галатерею. А вот здесь в нашей стране интересуются — а он кролик или слониха, что у него там в утробе, причем и не очень эту утробу толкают (маленько, но очень очен). (Смех, аплодисменты.) И не очень допытываются, какой будет млязнец — шател или брызнет и что он будет говорить и прочее. Я этому, товарищи, не радуюсь, но это живое доказательство того, как в нашей стране уважаются методы работы, даже необычные и медлительные.

Всегда за Горьким мне хочется сказать, что на нашем знамени должны быть написаны слова Соболева, что все нам дано партией и правительством и отныне только одно право — пахать писать.

Товарищи, не будем скрывать. Это было очень важное право, и отныне у нас не мало. (Смех). Это была привилегия, которой мы широко пользовались.

Так вот, товарищи, давайте на писательском съезде отпавить эти привилегии, и да поможет нам бог! Впрочем, бога нет, сами себе помогаем. (Аплодисменты).

О САТИРЕ И ЮМОРЕ

РЕЧЬ тов. РОМАНОВА

— Вы, вероятно, видели у подвала Дома союзов большую толпу. Она собралась, чтобы видеть писателя, приходящего на съезд. Писатель назывался по имени...

Необычайно возвысилось знание писателя, и этим возвысился и наш индивидуализм. Наш писательский коллектив поставил задачей быть на почетное место в нашем строительстве.

Во всяком деле важно избежать параллелизма. Существует опасность повторить друг друга, когда мы идём об одном и том же, о нашем строительстве. Но надо вспомнить шесть условий т. Сталина.

Одним из этих условий является борьба с обезличкой. Нам нельзя потерять свою индивидуальность. И борьба не о буржуазной индивидуальности, выпирающей собственное «я», а о новой коммунистической индивидуальности. Тогда мы не будем повторять друг друга. Каждый из нас должен иметь свой вклад, делаящий произведение непохожим друг на друга. Не нужно помнить, что наша индивидуальность должна быть на уровне переводов идей эпохи.

Правильная расстановка сил на производстве — второе условие т. Сталина. Ряд писателей работает на участке юмора и сатиры. Потребность в юморе у нас очень велика, и это говорит о нашем социальном здоровье. Сатира — это другое, это «встреча брака». Задать сатиры выставляют брак человеческих поступков. Таким браком является и мещанство, о котором говорил А. М. Горький. Коммунизм всем своим существованием противопоставлен мещанству. Смех играет большую роль в борьбе с браком, но смех острое и трудное оружие. И сразу научиться пользоваться им трудно. Легко можно ошибиться и исказить действительность. Законы диалектики действуют здесь во всей силе.

Сатира и юмор могут ответить на требования, предъявляемые нашей эпохой литературе. Сатира может быть не только «встречей брака», но и создавать полноценные, яркие образы. Но в этом должна ей помочь критика. Критика этого не делает.

Надо сказать, что у критики по отношению к писателю часто бывает тон учителя, говорящего о ученике III класса. Критику надо изгонять доверие и уважение писателя. Тогда она оба исправит свои ошибки. А уважение писателя можно заслужить добросовестностью в исполнении своего дела. А это не всегда бывает.

Сатира и юмор могут ответить на требования, предъявляемые нашей эпохой литературе. Сатира может быть не только «встречей брака», но и создавать полноценные, яркие образы. Но в этом должна ей помочь критика. Критика этого не делает.

Надо сказать, что у критики по отношению к писателю часто бывает тон учителя, говорящего о ученике III класса. Критику надо изгонять доверие и уважение писателя. Тогда она оба исправит свои ошибки. А уважение писателя можно заслужить добросовестностью в исполнении своего дела. А это не всегда бывает.

Сатира и юмор могут ответить на требования, предъявляемые нашей эпохой литературе. Сатира может быть не только «встречей брака», но и создавать полноценные, яркие образы. Но в этом должна ей помочь критика. Критика этого не делает.

Надо сказать, что у критики по отношению к писателю часто бывает тон учителя, говорящего о ученике III класса. Критику надо изгонять доверие и уважение писателя. Тогда она оба исправит свои ошибки. А уважение писателя можно заслужить добросовестностью в исполнении своего дела. А это не всегда бывает.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СМЕХ!

РЕЧЬ тов. МИХАИЛА КОЛЬЦОВА

Два с половиной года тому назад Ленинградский шофер Мартынов похитил у своего товарища шофера Тихомирова его шоферскую книжку, взял его машину и выехал в город. Затем Мартынов вылезал, катая по городу знакомых дуплек и наехал на молодичку. При оставлении протокола Мартынов заявил себя Тихомировым.

Когда преступление Мартынова раскрылось, в гараже созвали общее собрание. Часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза. Другая часть требовала в дополнение к этому предать его суду. Третья, самая кровожадная часть собравшихся, требовала: «Надо его, Мартынова, отвезти к писателю Зюссену, и пусть он с него напишет рассказ». (Смех, аплодисменты).

Именно в это время, два с половиной года тому назад, одному почетному московскому редактору пришлось сатирически рассказать. Он прокомментировал его и сказал: «Эго нам не подходит. Пролетариату смеяться еще рано. Пролетариат смеется наши враги». (Смех, аплодисменты).

Теперь уже как будто не слышно о редакторах, которые утверждали бы, что пролетариату смеяться рано. Но теперь поналяются мнения, которые можно понимать так, что, мол, пролетариату сейчас смеяться вроде бы уже поздно. (Смех).

В нашей литературной критике есть высказывания, которые отрицают советскую сатиру и ее право на существование. Рассуждают при этом так: всякая сатира непохож веку и является жанром обличительным, следовательно существующий строй. В стране социализма, в стране социалистической, где рабочий класс и партия стоят у власти, — могут ли пролетарские писатели заниматься сатирой? Кто они будут критиковать? Над кем они будут издеваться? Над самими собой?

Отсюда утверждение, что при советском строе, при диктатуре пролетариата сатира немаленькая и не нужна. Достаточно быть только современным с глазами и ушами, чтобы понять, как это неправдиво и легковенно. Отрицать смеяться советской сатиры — это все равно, что отрицать вообще смеяться саморития при диктатуре пролетариата.

Если бы тут собралась конференция политического разрушения, и совещались редакционные дипломаты и стали бы разбирать разные виды оружия с точки зрения их допустимости, то, конечно, в первую очередь и раньше всех была бы запрещена сатира. (Аплодисменты). Это было бы вполне логично, ибо сатира — самый наступательный, самый атакующий, самый предельно-наступательный вид литературного оружия. Смех убивает — это уже сказано давно.

тывается моментально. Если бы делопроизводство в нашей стране было одним сатирическим журналом «Сатирикон», который хвлялся своим тиражом в 15 тысяч экземпляров и который стоял бы на съезде «Крокодила» в гараже отдельных номеров доходит до 400 тысяч экземпляров, и его при этом трудно достать. Это говорит о том, что сатира нужна, нужна не только в бытовой жизни, но сплошь и рядом в жизни политической.

Возмужд нашей партии на съезде литературного блока, к сожалению, не нас, а классический сатирик русской литературы — Шелляра и Чухова. Будем надеяться, что наша сатира так подрастет, что на следующем съезде будут цитировать уже современные сатириков.

В последнее время у нас парад с сатиры расцветает и юмор. Надо не понимать зашифрованной зашифрованной жизни рабочей, колхозника и телушка, его желания смеяться и шутить, но чтобы противопоставлять этой новой воле юмора, которая поднимается в нашей советской

литературе. Рабочий класс уже становится в нашей стране, он скоро будет смеяться и во всем мире. Рабочий класс — последний класс, я в истории классов смеяться он будет последним!

Если вся советская литература — детская и часть процесса социалистического строительства, то мы, сатирики, отбьем в литературе одно из величайших завоеваний рабочего класса — его заветную улыбку — его заветную улыбку, которая является и союзнической для самого рабочего класса. И мы людем себя надеждой, что, когда коммунизм победит во всех странах, когда он укрепится, когда кончатся все войны и не нужно будет вооруженной силы — если тогда на каком-нибудь острове найдется кучка людей, отстаивающая старое, то к ним будет послан, как устрашающая сила, самолет «Крокодил». И, когда этот самолет опустится и не будет выдуть наши советские сатириков и шуток, то эти люди скажут: «Не лучше, мы слышали, мы — за коммунизм». (Аплодисменты).

В дореволюционном время талантливых Кавказских, — говорит тов. Джансугурова, — был порабощен не только экономически и политически, но и в культурном отношении. Парская цензура не давала возможности развиваться казавской революционной литературе. Единственная возможность существования оставалась только для устной литературы. И революционная борьба казавского народа с русским империализмом велась казавскими народными поэтами и импровизаторами. Эти поэмы передавались из поколения в поколение.

После окончания казавской литературы начала развиваться только после Октябрьской революции. Она вылилась в ряд поэтов, драматургов, прозаиков. В десятках тысяч экземпляров произведения казавских писателей расползлись среди рабочей и колхозной массы Кавказа. Если в 1921 г. в Кавказстане было издано всего 10 художественных произведений, то в 1934 г. наше издательство художественной литературы выпустило 107 художественных книг.

Литература Кавказстана обогащается не только за счет своих национальных художников, но и за счет произведений писателей других национальностей, которые переводятся на казавский язык. На казавский язык переводятся лучшие произведения

литературы. Рабочий класс уже становится в нашей стране, он скоро будет смеяться и во всем мире. Рабочий класс — последний класс, я в истории классов смеяться он будет последним!

Если вся советская литература — детская и часть процесса социалистического строительства, то мы, сатирики, отбьем в литературе одно из величайших завоеваний рабочего класса — его заветную улыбку — его заветную улыбку, которая является и союзнической для самого рабочего класса. И мы людем себя надеждой, что, когда коммунизм победит во всех странах, когда он укрепится, когда кончатся все войны и не нужно будет вооруженной силы — если тогда на каком-нибудь острове найдется кучка людей, отстаивающая старое, то к ним будет послан, как устрашающая сила, самолет «Крокодил». И, когда этот самолет опустится и не будет выдуть наши советские сатириков и шуток, то эти люди скажут: «Не лучше, мы слышали, мы — за коммунизм». (Аплодисменты).

В дореволюционном время талантливых Кавказских, — говорит тов. Джансугурова, — был порабощен не только экономически и политически, но и в культурном отношении. Парская цензура не давала возможности развиваться казавской революционной литературе. Единственная возможность существования оставалась только для устной литературы. И революционная борьба казавского народа с русским империализмом велась казавскими народными поэтами и импровизаторами. Эти поэмы передавались из поколения в поколение.

После окончания казавской литературы начала развиваться только после Октябрьской революции. Она вылилась в ряд поэтов, драматургов, прозаиков. В десятках тысяч экземпляров произведения казавских писателей расползлись среди рабочей и колхозной массы Кавказа. Если в 1921 г. в Кавказстане было издано всего 10 художественных произведений, то в 1934 г. наше издательство художественной литературы выпустило 107 художественных книг.

Литература Кавказстана обогащается не только за счет своих национальных художников, но и за счет произведений писателей других национальностей, которые переводятся на казавский язык. На казавский язык переводятся лучшие произведения

литературы. Рабочий класс уже становится в нашей стране, он скоро будет смеяться и во всем мире. Рабочий класс — последний класс, я в истории классов смеяться он будет последним!

Если вся советская литература — детская и часть процесса социалистического строительства, то мы, сатирики, отбьем в литературе одно из величайших завоеваний рабочего класса — его заветную улыбку — его заветную улыбку, которая является и союзнической для самого рабочего класса. И мы людем себя надеждой, что, когда коммунизм победит во всех странах, когда он укрепится, когда кончатся все войны и не нужно будет вооруженной силы — если тогда на каком-нибудь острове найдется кучка людей, отстаивающая старое, то к ним будет послан, как устрашающая сила, самолет «Крокодил». И, когда этот самолет опустится и не будет выдуть наши советские сатириков и шуток, то эти люди скажут: «Не лучше, мы слышали, мы — за коммунизм». (Аплодисменты).

В дореволюционном время талантливых Кавказских, — говорит тов. Джансугурова, — был порабощен не только экономически и политически, но и в культурном отношении. Парская цензура не давала возможности развиваться казавской революционной литературе. Единственная возможность существования оставалась только для устной литературы. И революционная борьба казавского народа с русским империализмом велась казавскими народными поэтами и импровизаторами. Эти поэмы передавались из поколения в поколение.

После окончания казавской литературы начала развиваться только после Октябрьской революции. Она вылилась в ряд поэтов, драматургов, прозаиков. В десятках тысяч экземпляров произведения казавских писателей расползлись среди рабочей и колхозной массы Кавказа. Если в 1921 г. в Кавказстане было издано всего 10 художественных произведений, то в 1934 г. наше издательство художественной литературы выпустило 107 художественных книг.

Литература Кавказстана обогащается не только за счет своих национальных художников, но и за счет произведений писателей других национальностей, которые переводятся на казав

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЧЕТ ИСКУССТВУ

РЕЧЬ тов. ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

Товарищи, президиум Общества Старых Большевиков поручил мне передать вам большевистский привет (Аплодисменты) и в особенности передать привет тов. А. М. Горькому, десятилетия органически, крепко связанному с работой нашей большевистской партии. (Аплодисменты).

Вместе с экономическим и политическим ростом Советского Союза, растет и влияние нашей советской литературы. И именно это накладывает очень большие обязательства на советского писателя, заставляет нас предъявлять вам очень большие требования как в отношении тематики, так и в отношении формы и стиля.

Напрасно думают некоторые начинающие молодые товарищи и даже некоторые старые писатели, что можно дать произведения, которые глубоко отобразили бы борьбу нашей советской колхозной деревни, нашего рабочего класса, борьбу нашей партии, не овладевши революционной теорией марксизма. Ленину вооружил этим оружием нашу партию и привел нас к победе. Эту работу продолжает товарищ Сталин в новую эпоху — в эпоху создания бесклассового социалистического общества. (Аплодисменты).

Не могут советские писатели не интересоваться, не овладевать этой теорией, дающей огромную силу познания тех событий, которые они хотят описать и объяснить.

Но как использовать советский писатель огромное наследство, которое дало революционное рабочее движение в нашей стране, наша партия? Возьмем произведения, на которых учились мы, старые большевики. Мы учились не только на Марксе, не только на Энгельсе, но мы, и в том числе Владимир Ильич, и тов. Сталин, и все руководители нашей партии, учились на целом ряде классических произведений художественной литературы, как и на произведениях нашей литературы 60—70 и 80-х годов.

Мог же Чернышевский, мог же Тургенев дать такие образы, как Рахметов, как Вазаро, которыми увлекалась наша молодежь, которым стремились подражать, которые были идеалами этой молодежи!

Когда мы, молодые марксисты, занимались пропагандой, мы использовали передо и такие произведения художественной литературы, как, скажем, «Свисток», «На рассвете», «Обла» Войнич, «Домик на Волге», «Андрей Кожухов» Степняка-Бравинского, «Что делать?» Чернышевского.

Книгой «Обла» Войнич зачитывалась рабочая и учащаяся молодежь. Подражали герою этой книги Риваресу. Но ведь такие герои нашего большевистского времени, как Камо, до сих пор не описаны в советской художественной литературе, стоят на десятке голов выше Риварреса. Уж он-то не примерился как к неуспешному походу. И слышал, что Ольга Форш хочет писать книгу о Камо. Мы это приветствуем. Мы, старые большевики, оказываем всяческую помощь и Ольге Форш и любому советскому писателю, который захочет правдиво осветить борьбу нашей партии, нашей славною железной когорты, завоевывающей и преобразующей мир на новых основах, воздвигаящая знамя коммунизма во всем мире. (Аплодисменты).

Что дала наша партия? Она дала образцы неперенной правоты, железной воли, яркой беззаветной преданности делу рабочего класса, людей исключительной настойчивости, гениальных организаторских талантов, блестящего ума — непревзойденные характеры Ленин — Сталина. (Аплодисменты).

Назовете ли вы произведение, где во весь рост показан Ленин — лучший герой нашего времени?

Где, в каком произведении вы показали во весь рост Сталина?

Где показаны также прекрасные профессиональные революционеры, как Илья Михайлович Свердлов, как Бабушкин и целый ряд людей, красота которых увлекает?

Тип настоящего большевика иногда даже исчерпывает. Возьмем, например, книгу Панферова «Дичное и общественное». Это — алла карикатура на старого большевика. Если бы такая карикатура хоть чуточку была бы верна, мы не могли бы совершить ту величайшую революцию, которую мы совершили и которую коммунисты совершат — я в этом уверен — во всем мире. (Аплодисменты).

Некоторые товарищи говорят, что, дескать, очень трудно писать нашу эпоху, потому что мы сами слишком близки к ней. Это неверно. Если взять революцию 1905 года, то мы имеем такое прекрасное, классическое произведение, как «Мать» Горького, написанное тогда же, под свежим впечатлением событий. В будущем году мы будем справлять 30-летие революции 1905 года, этого замечательного востания, о котором Ленин писал, что после этой революции русский народ научился бороться с оружием в руках. Но назвать другие произведения, которые так же широко охватывали бы этот великий бурный разлив первой революции, мы не сможем, а ведь тогда тем же мы имеем громадный материал о 1905 году.

Вы знаете, например, рассказ о том, как тов. Сталин, будучи в тюрьме, однажды подвергся вместе с другими избитому тюремной стражи, подлейшей, согнанным туда солдат. Он проходил через строй, держа книгу Маркса в руках с гордо поднятой головой.

Вот вам замечательный образ революционера. Почему же до сих пор

нет его в советской литературе? Разве для этого нужны какие-нибудь десятилетия архивные изыскания? Ведь еще живы люди, хранящие память той эпохи. Пушкин когда-то разыскивал людей, которые помнили Пугачева. А сейчас ведь сами участники революционной эпохи живы, они сравнительно еще молоды и полны сил — они могут вам дать материал об этой эпохе, и вы должны изобразить эту эпоху ярко и сильно, как она этого заслуживает.

После революции 1905 г. мы пережили тяжелые годы реакции. В эти годы наша партия веда неустанную борьбу с тем иезитским разложением, иезитским расходом, который тогда происходил: она сохраняла пролетарские кадры и вывела этих железных большевиков в бой за новую революцию.

Эта эпоха также почти не нашла никакого отражения в литературе.

Вы скажете, что я подхожу больше с точки зрения истории нашей партии. Да, товарищи, история нашей партии — это богатейшая сокровищница революционной энергии, это лучшее, чем мы можем воспользоваться для новых классовых боев. (Продолжительные аплодисменты).

Но и те процессы, которые происходили за последние времена, они также не нашли полноценного изображения в нашей литературе.

Возьмем, например, вопрос о религии. Это очень большой вопрос. Он затрагивает многомиллионные массы. Старая наша школа использовала всякого рода религиозные произведения наших поэтов, наших художников, и Дерзавина, и Ломоносова, и Жуковского, и Майкова, и Тютчева, и Тургенева, и Гоголь — все было использовано для религиозного воспитания.

Но вот пришла революция. Происходит крушение религии. Революция свергает богов, чертей, святых. И вот эта гибель богов — где она описана?

Я мог бы назвать целый ряд таких вопросов, жущих своего писателя, жущих отражения в советской литературе.

Вот здесь выступала замечательная женщина — колхозница Смирнова, которая достойна того, чтобы ее имя было вписано на страницы нашей истории. А таких женщин у нас сейчас уже тысячи. Тысячи таких новых женщин строят социализм, борются с самыми жестокими вояками предприслужниками, выкорчевывают эти предрассудки. А в литературе нашей эта новая женщина показана слабо.

И хотел бы еще сказать несколько слов о фантастическом романе. Не об утопическом романе, потому что сейчас речь идет не об утопии, которые создавали Вильям Моррис, Томас Мор, Бельзак. Говорят, что наша сегодняшняя действительность фантастичнее, сказочнее всякого фантастического романа. Но, товарищи, когда сейчас рабочие строят заводы, когда они несут героическую борьбу за то, чтобы новую пятилетку закончить в срок, когда колхозники бегут за жалиточный колхоз, они хотят знать — а что же дальше — через 15—20 лет, что же будет тогда? И я думаю, товарищи, что будет никакого греха, если мы дадим также произведения, хотя бы даже потом в жизни оказались чуточку не так. Советские писатели должны показать, куда ведет революция, показать неизбежный расцвет нашей культуры, этот огромный подем нашего материального и умственного уровня, должны показать, как расцветает радость и прекрасно жить в этом нашем социалистическом будущем.

Товарищи, я знаю, что это трудно. Советские писатели, в конце концов, очень молоды, как молада наша пролетарская революция, как молада вся наша страна. Но я хотел бы, чтобы Советский писатель стал школой для многих молодых товарищей, которые идут в литературу из самых низов рабочего класса, из колхозов. Их мысли, их литературные планы, их образы рождаются тут же у станка, на поле, под звуки трудовых процессов. Их путь трудный; но революция, которая является познательной бабкой истории и сокращает ее муки творчества, муки рождения нового общества, она сократит и облегчит и создание кадров инженеров сауда. Мы должны сделать и сделать все, что в наших силах, чтобы мы создали произведения, достойные нашей славы эпохи, чтобы эти произведения стали классическими памятниками наших героических дней, чтобы они прославили для будущих поколений нашу партию, ее организаторов, ее вождей и рядовых бойцов ее непоколебимой железной когорты, ее победную смену, несущую освобождение всему человечеству, нашу славную социалистическую родину — Советский Социалистический Республикан, прообраз Мирного Союза советских социалистических республик. (Аплодисменты).

ПРОТИВ РАВНОДУШИЯ

РЕЧЬ тов. АВДЕЕНКО

— Несколько лет назад я сидел в камере сидел один товарищ. Когда он шел в Оренбург, по сей час там у него никого уже не было из родных и знакомых. По просьбе этого товарища я написал письмо. Это письмо не было никому адресовано. Но когда я прочел письмо товарищу, он заплакал. Это было мое первое литературное произведение. Я долго носил его в кармане, пока не стерлись строчки.

Я был безразличным, я был вояром. Я жил в мире, как среди зверей. Смерть не была для меня пугающим словом. Я не думал о жизни более, чем на один день или даже час. Тогда я никогда не плакал. Я не плакал все то горькое время моей жизни. Я не плакал, когда меня, вора, избивала толпа и я полу-мертвый оставался на мостовой.

Но когда я увидел, как проследил Горький при виде пленов, привезенных с сяд, мне тоже захотелось плакать. Я. Соболев правильно говорил, что тогда в зал вошло наше будущее. Я почувствовала всю грязь моего детства. Я подумал, что мне страшно хочется жить...

В перерыве я вышел в коридор. Я спрашивал писателей:

— Что было самое замечательное в этот день на сяде?

Один говорил: речь Зренбург, другие — выступление Чувковского. И только вскользь упоминали о делегации пленов.

Не говорите ли это о каком-то равнодушии, которое еще чувствуется иногда в среде писателей?

Весной этого года Алексей Максимович мне рассказывал об одном

ниженере, избившем девице, которое не тупится, а только стачивается. Алексей Максимович был захвачен этим изображением. Он весь зажегся, когда рассказывал мне о нем.

Но когда я рассказывал об этом же изображении писателям, они выслушали меня равнодушно. Никто не интересовался.

Писателям часто не хватает той жажды жизни, которая имеется у Горького. Алексей Максимович востерим к равнодушию. Он умеет воспринимать жизнь.

Вот почему, когда я беседовал с М. Горьким, мне казалось, что я прочел десятки книг.

У нас имеется и какое-то равнодушие к теме.

Вот на авнопридажке в Тушине некоторые писатели мне рассказывали о теме, но я не чувствовал радости в их рассказах.

Писать нужно тогда, когда знаешь, для чего ты пишешь.

Я знал, для чего я написал письмо в тюремной камере, чтобы излить горечь...

Как я написал «Я люблю»?

Опакты был трудный день на магнитогорских долах. Была авария. Я спас плавку. И эту радость, эту гордость, это счастье мне хотелось передать другим. От радости, от неравнодушия к теме я написал свою книгу.

После выхода книги появилось много статей, но почти все критики рассматривали меня как общественное явление, а не как писателя. Никто не сказал мне, как нужно работать и жить. Меня хвалили, меня сравнивали с Достоевским, но не говорили о моей дальнейшей работе.

Я в литературе свежий человек. Но мне кажется, что наша литературная среда не забывалась еще от зависти и злорадства. У нас нехватает товарищеской чуткости. Я. Смелкова возмущали, но когда Смелкова был болен, никто не вспомнил о нем.

Далее т. Авдеенко говорит о молодых кадрах в нашей литературе, о том, что молодые писатели не включаются в жизнь страны. Они не окружены помощью, вниманием старших товарищей. — У меня страшно много товарищей. — говорит т. Авдеенко, — мне хочется писать о шахтере, о том, как изменился его отношение к труду. Я хочу всю жизнь писать о труде. Но никто, кроме Алексея Максимовича, не побеседовал со мной, не расспросил меня.

В конце своей речи т. Авдеенко говорит об огромном значении всесоюзного съезда писателей.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЛИТЕРАТУРЕ

РЕЧЬ тов. ШАБАНОВА

— Мне хочется, — сказал т. Шабанов, — унести вас на несколько минут за девять-десять тысяч километров отсюда к берегам Берингова моря, где Советский союз граничит с Азией, с угнетенной Кореей, с Манчжурией и Японией. Мы, советские писатели, в большом долгу перед Дальним Востоком, краем, находящимся на стыке двух противоположных систем, на опасном рубеже, из-за которого то и дело тянется к нам хищная рука японского империализма.

Многие из вас привыкли судить о Дальнем Востоке по известной прекрасной книге Арсенева, заслуженно завоевавшей широкую известность. Но сейчас не дери Уссурийского края характеризуют Дальний Восток, а великая стройка социализма. В глухой тайге вырос за два года, например, социалистический город Комсомольск, где недавно вышла сборник произведений местной литературы молодежи.

О Дальнем Востоке написано в советской литературе много прекрасных произведений: у нас есть книги В. Иванова, Фадеева, Лидина, Лапина и Хатревича, Далецкого и многих других. Но до сих пор нет у нас таких высококачественных произведений, которые показывали бы великую сегодняшнюю перестройку ДВК, где вчерашие небытие таежные пространства преобразуют сегодня железнодорожные пути, где мощные электростанции и лесоводные вышки становятся характерным ландшафтом прежнего затерянного Сахалина. Нет у нас еще таких произведений, которые дали бы читателю почувствовать, что если кто-то пытается совершить нападение на ДВК, то это нападение направлено и на него, читателя.

— Мы считаем, — говорит т. Шабанов, — что Рубинштейн правдиво, реалистически изображает состояние современной японской армии, дает верный тип японского офицера и правильно показывает всю систему жестоких пыток и мучоножжа, на которой построена японская армейская дисциплина. В книге Рубинштейна есть, конечно, немало ошибок и недостатков, но квалификация ее как вредную, — велико, и мы самым respekтом образом относимся к этой оценке «Тропы самураев».

Характеризуя состояние литературного движения на Дальнем Востоке, т. Шабанов подчеркивает, что приехавших в Москву дальневосточных делегатов московские писатели с большим интересом расспрашивали о наиболее ярких явлениях литературы Дальнего Востока. Но, к сожалению, вопросом этих, как правило, абсолютно не интересовались критики.

Между тем на Дальнем Востоке есть ряд ценных поэтов, чей поэтический уровень выше творческого уровня многих поэтов столических. В ДВК выходит литературный журнал, в котором печатаются ряд интересных произведений, особенно успешно развивается драматургия. Любопытно, что на ДВК в 1929 г. активизировалась, начала быстро расти красивая литература на китайском языке. На китайский язык переведены «Железный поток» и «Хлеб», и «Разгром», выпущены литературный сборник на китайском языке и сборник на китайском латинизированном алфавите, выходит в ближайшее время и корейский литературно-художественный сборник.

О МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

РЕЧЬ тов. ЧЕШОКОВА

— Грузинская литература, как мы слышали здесь из доклада о ней, существует с V века нашей эры, — говорит т. Чешоков. — Наша же мордовская литература появилась лишь на потом году пролетарской революции. Слово «морда» было символом тупости и невежества в царской России. И недаром в русской художественной литературе мордвин олицетворял собой всегда образ тупости, при том, что грамотность населения не достигала у нас и десяти процентов, а среди женщин пять процентов, нельзя сказать, чтобы царское правительство не заботилось о просвещении мордвы: евангелие и молитвенники усердно переводились на мордовский язык и распространялись среди населения.

Сейчас мордовская художественная литература насчитывает актив в 100 писателей. Резко возвысился грамотность населения, и издаваемые нами книги жалко расхватаются и читаются. В мордовской деревне знают даже молодых начинающих писателей. Особенно успешно стала развиваться мордовская литература после решения ЦК партии от 23 апреля 1932 г. За этот период в Мордовии 54 книги.

Серьезным недостатком мордовской литературы является ее ослабленная сюжетность. Она в значительной мере объясняется молодостью и литературной неопытностью мордовских писателей, но обладанных еще высокой культурой художественного письма.

Тов. Чешоков остро ставит вопрос о частушке. Нельзя ему пришлось участвовать в фольклорной экспедиции Научно-исследовательского института мордовской культуры. Экспедиция собрала тысячу народных частушек, но, к сожалению, часть из них падала на кулачные и похобные частушки. Происхождение их объясняется тем, что поэты игнорируют частушечный жанр, они пишут стихи, рассчитанные исключительно на квалифицированного читателя. Поэтому стихи их слабо проникают в деревню, и кулацкая агентура умело использует недостаток малопоэтического жанра, распротрагивая свою, чуждую нам, идеино-враждебную частушку.

СОЗДАТЬ НОВЫЕ МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

РЕЧЬ тов. ФАДЕЕВА

— Один из наших хороших молодых специалистов, работающий на заводе «Шарикоподшипник» им. Кагановича, т. Герасимов, на вопрос, поставленный ему, кто из великих исторических людей прошлого больше всего ему нравится, дал следующий ответ:

«Из великих исторических людей для меня Леонардо да Винчи самый интересная фигура. Читал про него много. Это гениальный человек. Он был действительно всеобъемлющий гений: он и архитектор, и механик, и художник, и математик, причем принцип аппарата летания принадлежит ему. Произведения его на полотно до сих пор не забываются и не могут быть забыты. Ему принадлежат система орошения, а ее сам видел в Италии.»

У нас вот был Ломоносов тоже разноотрасный человек. Он для своего времени имел очень большое значение, но Леонардо да Винчи и до сих пор не перестал быть высотой, к которой мы стремимся.

Биография т. Герасимова с точки зрения тех возможностей, которые предоставляла капитализм для выходцев из низов, является необыкновенной. Но для нашей страны его биография — типическая биография. Он начал работать по найму с 12 лет, был чернорабочим, работал на кирпичных заводах, а потом при советской власти он ушелся конструктором, стал инженером-конструктором, побывал уже за границей.

Его высказывания не просто случайные высказывания одного из специалистов — они очень типичны. Ведь если мы в нашей стране ликвидировали гнет эксплуатации, ликвидировали гнет, решающий удар нанесен противоборствующим между городом и деревней, ликвидировали успешно общественное и фактическое неравенство между мужицкой и женской, то у передового человека нашей страны постепенно открываются дальнейшие перспективы, ликвидируются и другие виды эксплуатации капиталистического общества, основные на разделении труда. Тогда человек сможет развернуться во всей своей широте. Будет ликвидировано противоречие между умственным и физическим трудом, человек будет разнообразным, много знающим и много умеющим.

И не случайно т. Герасимов образил свой выбор к тем лучшим представителям старого общества, которые в тех условиях могли достичь этих высот.

Когда сейчас расширяешь успехи и нечеткости нашей советской художественной литературы, то, конечно, видишь, что мы стали большой силой.

Основное качество нашей литературы — это то, что она в основе своей является социалистической литературой, ибо мы служим делу утверждения новой социалистической действительности в ее борьбе со старой.

Но вот, когда читаешь такие высказывания, как высказывания т. Герасимова, то сразу видишь, что мы действительно не отвечаем его потребностям передовых людей нашей страны, что с точки зрения тех задач, которые стоят перед страной, с точки зрения перспектив мы, конечно, еще литература в наелкан.

Важные недостатки имеются в нашей советской художественной литературе, которые присущи более или менее всем нам. Одним из этих недостатков, несомненно, является то, что нашей литературе еще в большей степени присущи элементы описательства или элементы полустыльности, е. просто копирование действительности. У нас еще недостаточно революционного размаха, недостаточно той революционной мечты, о которой писал Ленин в статье «Что делать?».

Мы еще не открыли тех новых монументальных форм, в которые могла быть отлита эта революционная мечта трудящегося человека.

И беру такое большое произведение, как «Бруси» Панферова, где собран при всех недостатках этого произведения огромный опыт наблюдений над историей развития деревни за последние годы. В третьей книге «Бруси» я нахожу эпизод, как крестьянин-сердечник Никита Гурьянов, не желая идти в колхоз, сел на лошадь и поехал по всей стране искать места, где нет коллективизации, где нет индустриализации. Он побывал на Дниестрове. Обезьял большие пространства, побывал на мге. Везде, оказалось, происходит колхозное движение, строятся колхозы, страна индустриализируется. Он постепенно клучил свою загла, она исхудала, он сам отощал и вернулся обратно в свое село; причем когда он возвращался, в этот период председател колхоза возвращался из какой-то командировки из аэроплатна.

Этот эпизод вложен в ряде других митогических эпизодов на нескольких страницах. Я замалывал над ним и потом говорил и т. Панферову и неоднократно говорил об этом на собраниях, что если бы хватало у любого из нас, не только у Панферова, знаний, смелости и дарования, какую можно было бы совершенно замечательную вещь сделать из этого эпизода.

Я представлял себе такое произведение мировой литературы, как «Дон-Кихот» Сервантеса. Ведь это произведение осталось в веках и его читают дети. Образ Дон-Кихота, этого представителя рыцарства, которое высмеивает Сервантес, пережила века, а между тем та историческая смена, которая происходила во времена Сервантеса, была куда менее значительна, чем тот всемирно историческое значение перелом, который произошел в деревне, когда мелкий собственник делается коллективистом.

И если бы хватало смелости, таланта и знаний, то образ этого крепостянина Никиты Гурьянова можно было бы перевести в план, как бы «реальный» с точки зрения формальной, в план несколько условный, но произведение от этого только бы выиграло. Можно было бы заставить его проехать нашу страну от Бал-

тического моря до Тихого океана, от Черного моря до Северного, заставить его встречаться с ударниками, с передовыми колхозниками, с учеными, с нашими авиаторами и т. д. и т. д. и через его путешествие по всей стране дать как бы разрез всей страны, причем социалистические элементы, которые имеются в нашей стране, можно и должно было бы здесь услышать, а Никиту Гурьянова сделать последним мелким собственником на этой земле.

Мне кажется, что таким образом может быть создано монументальное по себе произведение. С другой стороны, из этого можно было бы сделать детскую сказку, сделать этот эпизод сказочным, интересным и увлекательным для ребят. И хотя это была бы сказка, но по существу самая настоящая реальность.

Ведь дело в том, что социалистический реализм не обязательно подразумевает именно копирование, повторение действительности и бытовых деталей. Социалистический реализм в самых основных своих возможностях предполагает большой полет фантазии. Он предполагает как-то, на мой взгляд, более синтезированные формы, чем те, которые мы в большинстве используем.

Требование того, чтобы передать, правило передать именно основной смысл происходящих событий, не обязательно копировать и повторять жизнь, это, несомненно, одно из основных требований социалистического реализма, и мне кажется, что пока есть, пожалуй, главное, чего пока еще нехватает нашей советской художественной литературе.

Второй момент. Я целиком и полностью поддерживаю то положение в выступлении В. Иванова, где он говорит, что мы недостаточно научились изображать характеры. Это совершенно верно и это тем более простиительно нам, потому что мы живем в такую эпоху, когда, в сущности говоря, огромное, неизмеримое количество новых характеров, личностей было поднято и все более поднимается из многомиллионных масс нашей страны. Ведь когда любой из нас присутствует где-либо на заседании бюро утюжки или на заседании фабкома, он видит, как люди именно потому, что они чувствуют свой завод, свое предприятие общественной собственности, в любой спор за-за технических мелочах вкладывают огромный темперамент, огроную страсть. Очень сильные характеры рождаются в нашей стране. Все людские отношения приобретают качества новой силы, связи социалистической. Я беру такие отношения, как, например, отношения дружбы. Ведь, конечно, никогда мир не видел такого содружества, такого коллектива, каким является наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Когда мы, литераторы, попадаем в ЦК партии или бываем, скажем, на заседании органов ЦК или встречаемся с членами Политбюро нашего ЦК, видишь, каким исключительным образом являются наша партия, такого содружества, как содружество ударников в бригаде. Мы видим новые формы дружеских отношений между людьми, какие-то прозрачные формы.

Дать настоящий характер можно, только исходя из живой жизни, а если исходить только из статьи, из книги, из резолюции, то характера дается невозможно. Резолюция сама по себе является конденсацией опыта всей партии, всей страны. Но если мы, не испробовав самой жизни, а, просто исходя из положения резолюции, только приделаем белизну рыночной борюды, а у кулака уберем дыйский живот и пришьем ему любовь к детям, этим мы настоящего жизненного произведения еще не создадим, а создадим подделку под жизнь. Это еще не настоящее искусство.

В заключение мне хочется еще сказать: пусть ваша критика, пометки пути нашего дальнейшего развития, не стремятся удалять от нас, пусть она больше опирается на собственную нашу практику и на живую жизнь. Критика должна направлять развитие литературы таким образом, чтобы стимулировать у писателя стремление к расширению тематики, к поискам новых форм, а не сосредоточивать их внимание на каком-либо одном положении.

Взять хотя бы такое замечательное, совершенно правильное положение, которое было высказано А. М. Горьким в его статье в «Правде» «Разговор с молодыми» и в докладе его. Характеризуя основные отличия нашего социалистического реализма от реализма старого, он отметил старый реализм как реализм критический, а наш социалистический реализм как реализм, утверждающий новую, социалистическую действительность. Это правильно. Но уже статья Еф. Довина в № 4 альманаха «Год 17-й», которая просто определяет наш социалистический реализм как реализм героический, как реализм, изображающий героев, это уже схематизация, потому что социалистический реализм, утверждающий новую социалистическую действительность, новых героев, в то же время является наиболее критическим из всех реализмов. Он более критичен, чем старый реализм, но соединяет эту черту критики с утверждением новой социалистической действительности, новой личности и новых отношений. Нам нужно перестроить весь мир, выкорчевать остатки капитализма и в экономике и в сознании людей, наконец, перестроить все огромное наследство, которое осталось от прошлого. Это и делает социалистический реализм наиболее критическим реализмом, утверждающим действительность. Таким образом, не следует догматизировать правильное положение Алексея Максимовича, ибо если свести его к догме, то люди начнут писать вещи сугубые. Я думаю, что нужно нашим критикам поменьше догматизировать, больше опираться на живую практику жизни и литературы, затем, чтобы теоретические освещать широкие социалистические перспективы нашего литературного развития. (Аплодисменты).

На съезде. Ойротский поэт Павел Кучин, награжденный премией имени Горького за песню из колхозной жизни «Петля», и немецкий писатель Вейскопф.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

ЭРНСТ ТОЛЛЕР В СССР

БУДЕМ РАБОТАТЬ ТАК ЖЕ СТРАСТНО, КАК ЛУЧШИЕ ЛЮДИ НАШЕЙ ЭПОХИ

РЕЧЬ тов. А. БАКУНЦА

Отличаясь национальной формой, великая советская литература своим многообразием жанров и тематикой представляет совершенно невиданную литературу во всей истории человечества.

От только что ликвидированной неграмотности апугов до великого мастера пролетарской литературы Максима Горького, единая армия советских писателей разбивает оковы духовного рабства, мещанства, национальной ограниченности, дошедшего до омерзения чувства собственности, всего комплекса пережитков времен капитализма.

Одновременно эта литература воспитывает миллионы трудящихся, развивая в них любовь к советской родине, к своему труду и помогая партии выживать из этих миллионов преграды борцов за дело Ленина—Сталина, за коммунизм.

Только трудящемуся человеку принадлежит все богатства — материальные и духовные.

Только теперь можно достать зарплату в недрах истории сокровища мирового значения, по-новому оценить все прошлое, всех знавших людей нашей культуры. Отсюда эта бурная радость, эти радостные песни, которые слышались у нас всюду — от Москвы до Владивостока, от Архангельска до Эривани, Загорья и т. д.

В Октябрьских боях под влиянием партии и только благодаря ее руководству, с помощью главного отряда — русских рабочих, трудящихся этих народов приобрели родину. Они прогнали своих господ — таких же оголенных врагов народа, как русская буржуазия. Они приобрели родину — национальные советские республики. Весь Советский союз — единая родина для трудящихся всех национальностей. В Октябрьских боях, завоевав родину, партия вела трудящиеся массы к лучшей жизни, к бесклассовому обществу, к полному торжеству социализма.

Вот где источник энтузиазма, того молодого, того буйного энтузиазма, который звучит в наших речах, и в наших песнях, и в наших книгах.

Что было в нашем прошлом? Но будучи упомянуты ни имен, ни исторических дат: напомним только те, совершенно правильные слова А. М. Горького: «мы, т. е. русская литература, русские писатели, не имеем права игнорировать литературное творчество меньшинств только потому, что оно больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, отсюда не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и проч. народы не способны дать больших мастеров в литературе, музыке, живописи, золотстве».

Многие выступавшие говорили о больших писателях прошлой национальной культуры. Но в былые времена старая Россия, все эти народы и не могли дать таких гигантов, как Пушкин. В годы расцвета Пушкина на окраинах империи еще проходила пушка усмирительных эскадронов. Эти малые народы меняли одно ярмо на другое. И после покорения малые народы шли по пути духовного обнищания, при двойном гнете — русской и своей отечественной буржуазии.

Приведу два примера. Основательница нашей литературы Абовьян (XIX век) — замечательная фигура по своей не только литературной значимости, но и по своему жизненному пути. Он видел персидское влады-

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ ЗА ЕДИНОЕ ИСКУССТВО СОЦИАЛИЗМА

РЕЧЬ тов. БРОНШТЕИНА

Каждый из нас, работников национальных литератур, много думал над смыслом идеи единства, идеи всеобщности советской литературы, о которой многие говорят на съезде. До исторического постановления ЦК партии эта идея всеобщности нередко замещалась кассовым обменом протоколов. К труду писателей национальностей относились переложить, но не читать.

Теперь, по инициативе Алексея Максимовича Горького, борьба за развитие литературы народов СССР поставлена на деловые рельсы. Но сделано еще мало. Незнание литературы народов СССР еще велико. Критики нередко лепечут что-то невнятное насчет национальной формы, кивая на нас, критиков националов, что, мол, этим должны заниматься мы. Наша критика до сих пор не поставила проблемы национальной формы, а между тем это чрезвычайно важная проблема. Вообще, игнорируя богатейший опыт литературы народов СССР, наша критика часто сходит с рельсов.

На примере стихов белорусских народных поэтов Янки Купала и Якуба Коласа П. Бронштейн ставит проблему «образной поэтики», понимая под этим снижение, развращение образов, которые ранее выданы данным автором. В поэме Янки Купала «Над рекой Орессой» речь идет о Полесской мушкетере. Это не случайный образ, — на протяжении многих лет он обогатился белорусскими народными и поздние националистами. И вот Янки Купала пишет, как большевики ликвидировали эту самую Полесскую мушкетера, давая в поэме уже социалистическую картину.

Точно также образ патриархального дедушки сменяется у белорусских поэтов образом дедушки-партизана.

Можно отметить и другое интересное явление: поэт Харик делает попытки использовать тонкий талант пародии против национализма. Вообще пародия должна занять видное место в нашей литературе.

Общая проблема создания сатирических жанров играет огромную роль для писателей. Недавно пред. Совнаркома Белоруссии Т. Голосед сказал нам, белорусским писателям: «надо научиться смеяться, надо создать сатиру, которая поразит бы классового врага».

Русская литературная критика ставит проблемы влияния фольклора на литературу, рассматривая произведения Вагарицко, Васильева, Прокофьева. Но диапазон у критиков стал бы гораздо шире, если бы они привлекли и творчество белорусских поэтов Янки Купала и Александрича с его фольклорной песенностью и народной афористичностью в лучшем смысле этого слова.

Надо отметить, что овладеть фольклором пытаются кулаки, поэтому для нас овладение им имеет особенную важность.

На материале белорусской, еврейской сатиры критики могут поставить немало и других интересных проблем.

Далее П. Бронштейн говорит о борьбе белорусских писателей с классовым врагом, который каждый день пытается наступить в хол все новые и новые приемы, и заканчивает свою речь словами:

«Мы должны создать всевозможную литературу, потому что на нашу долю выпало работать в стране, где нет рабов, нет угнетенных народностей, под руководством партии Ленина—Сталина».

Запада, Востока и т. д., так вот эти древние народы похожи на того «бывалого» человека, самого характерного человека нашей эпохи, о котором здесь говорили, как о человеке действия... Эта бывалость, богатство исторического пути, насыщенный многими историческими влияниями, эта громадная колоссальная выжившая, — составляет иногда более важный источник, чем знакомые имена старых писателей.

Тов. Сталин в первом же году после Октябрьской революции говорил, приводя пример Армении, что это характерный уловок, где художественно империалистские принимало форму бесчинства. Он говорил о героических сынах этого народа, которые создавали большую культуру, но все-таки оставались загнанными. Исчез ли этот героизм? Он улетелся сейчас и не только в области культуры: он улетелся в области невиданной стройки.

Путь критического пересмотра исторических событий — действенный источник для внесения новых вкладов в литературу.

Изменяется не только экономика, но весь народ обновляется. Вы помните, что Гоголь в «Мертвых душах» козыряет козлявочником крестьянином. Однако тот, кто знает сейчас наших колхозников, — скажет, что теперь нет козлявочника. Теперь крестьянин правильно, точно и красочно говорит.

Возьмем отношение к деталям. Разве это не показывает изменения психологии народа и роста его культурности? В старину, в особенности у наших восточных народов, любовь отца к детям была как бы не к лицу мужчине. Сейчас изменилась эта и многие другие черты старого быта.

Громадный интерес представляет вопрос языка. Здесь об этом мало говорили. Основным недостатком национальной литературы считают то, что эти литературы подпадают под влияние форм, уже преодоленных крупными мастерами. Ничто не может сейчас писать так, как Руставели. Я бы сказал даже так: формы, преобладавшие в XIX и XX веках, каким-нибудь армянским или не армянским мастером, нередко служили благодаря подражаниям препятствием для развития новых литературных форм.

Где же правильный путь? Путь в возврате к первоисточникам, к народному творчеству. Я имею в виду не возврат к старым источникам народного творчества, не к фольклору, хотя и фольклор живет и развивается, а к настоящему корням народного творчества.

Большой интерес представляет жанр художественной исторической прозы. В этом отношении громадное количество армянских исторических хроник, не использованных художественной литературой, представляет большой интерес. Обязанность наших писателей заключается в том, чтобы проследить их, изучить, взять энциклопедическую, противность языка, богатства выражения и большую экономию слов, что чрезвычайно характерно для художественной прозы.

Возле нашей партии, мудрый учитель миллионов, строящих социализм, рабочих и колхозников и лучший друг нашей культуры — тов. Сталин, назвал нас, писателей, инженерами человеческой души. Давайте работать так же самоотверженно, так честно, так страстно, как работают только лучшие люди нашей эпохи — большевики во главе с тов. Сталиным — и тогда мы оправдаем высокое звание советского писателя! (Аплодисменты).

ЛЕНИНГРАД, 23/УИП (РОСТА). Сегодня на теплоходе «Алексей Рыков» в Ленинград приехал известный германский революционный писатель Эрнст Толлер. Толлер не был в Советском союзе с 1929 г., но достаточно, говорит он, было провести один день в Ленинграде, чтобы убедиться в огромном размахе социалистического строительства, в колоссальных достижениях во всех областях жизни. Ленинград производит прекрасное впечатление. Заводы, фабрики, дома, улицы — все говорит об огромных переменах к лучшему, о быстром росте страны.

Недавно Толлер закончил книгу «Детство в Германии». Книга носит автобиографический характер. Она издана в Голландии на немецком языке и в Америке — на английском.

Сейчас Толлер написал новую повесть под названием «Слепая богиня». Повесть эта, разрабатывая систему буржуазной юстиции, будет поставлена в одном из московских театров.

Толлер сообщает, что он с большим интересом следит за работой всевозможного съезда советских писателей. Особое впечатление на него произвел доклад Максима Горького. Из Ленинграда Толлер выезжает в Москву.

Вечер Грузинской поэзии

Несмотря на то, что начался этот вечер поздно ночью, после закрытия вечернего заседания съезда, несмотря на то, что все участники встречи грузинских поэтов с делегатами писательского съезда были порядком утомлены работой на съезде, — вечер грузинской поэзии прошел необычайно оживленно, с полными подвешен. В доме советского писателя 21 с. м. московские литераторы и съездские делегаты встретились с десятью грузинскими поэтами, входящими в состав грузинской делегации на всеобщем писательском съезде.

Встреча эта вылилась в своеобразную поэтическую перекличку братьев литературы: крупнейшие русские поэты — Николай Тихонов, Борис Пастернак читали свои переводы стихов лучших поэтов Грузии — Ильяша, Г. Табидзе, С. Чиковани, Гавташе, Кутатели. Потом мастера поэтической Грузии — Паоло Яшвили.

Рис. Л. Бруна

Тициан Табидзе, Иосиф Гришавили, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе читали свои стихи в оригинале и сделанные ими переводы русской поэзии.

В арках отрофов Паоло Яшвили по-новому оживили в непривычном звучании грузинской речи знакомые строки Пушкина. Прекрасные переводы Яшвили пушкинских «Анчаров», «Утоленника», «Не мой, красавица» вызвали восторженные отзывы русских литераторов, среди которых, кроме упомянутых уже В. Пастернака и П. Тихонова, находились А. Толстой, В. Шкловский, Ю. Олеша, М. Шкапская, С. Третьяков, М. Светлов, А. Бемиский, Н. Асеев, В. Вишневский, Д. Мирский и др.

Впечатленное впечатление русских писателей от встречи с поэтами Грузии высказал А. Толстой, подчеркнувший высокое мастерство грузинских поэтов, с творчеством которых многие из русских литераторов едва ли в первые ознакомились на этом вечере.

ОБСУЖДАЮТ ДОКЛАД А. М. ГОРЬКОГО

ГОРЬКИЙ, 23 августа. Доклад А. М. Горького на съезде писателей СССР вызвал оживленный обмен мнениями между рабочими горьковскими предпринятиями. Литературные и рабочие радиотелефонного звонка им. Ленина присутствующие в глубоком научном интересе выслушали доклад Горького. Уже детально обсуждался первый раздел доклада об источниках и основах художественного творчества. В нем создаются новые литературные кружки.

Литературный кружок металлургического цеха «Красное Сорго» начал выпуск «Литературного листка», ставшего своеобразной ваучной трибуной съезда.

ПОПРАВКА

В № 109 «Л. Г.» от 23 августа в заключении речи т. А. Тагирова «Растет бакирская литература» в конце первого абзаца второй колонки следует читать: «Мы будем и впредь бороться против контрреволюционного национализма, за ленинско-сталинский интернационализм».

Отвественный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Стретенка, Последний пер., д. 26, телеф. 69-61 и 64-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стретенка, последний пер., д. 26, телеф. 4-68-18 и 5-54-69.

Улож. Главлита В-91224.

Типография газеты «За индустриализацию Цветной», бульвар, 30.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

БЕСЕДА С АНДРЕ МАЛЬРО

сложу за всем тем, что дают находки, связанные с пластическими искусствами, с предметами фетишизма древних эпох, с искусством скифов. Мне не хотелось бы слишком углубляться в эту сторону. Мне хотелось бы только подчеркнуть, что искусство скифов является сейчас главным источником для понимания жизни народов древней Азии. Мне кажется, что оно нашло формы выражения, оказавшие огромное влияние на искусство культуры в Китае и Персии эпохи Сасакидов. В этом смысле еще больше убеждает великолепное собрание предметов скифского искусства в вашем Эрмитаже в Ленинграде.

И, наконец, я должен заметить, что слышком еще незначительны раскопки, сделанные в могильниках, хранящих огромные богатства. Тут нельзя не поразиться, что большая часть их находится на территории СССР.

Что касается моих литературных работ и того, что меня больше всего интересует в СССР, — это возрождение новой культуры, рождение нового человека в нашей стране.

Человек-коммунист, человек бесклассового общества, выходящий из пролетарской среды, и который формирует именно здесь, у нас, столь же отличен от современного буржуазного капиталистического общества, как этот последний отличен от человека средневекового общества христианской культуры.

Создание нового общества, основанного на ценностях, за которые борются и многие из нас, представляет исключительный интерес для меня. И если хотите, еще более точно, все мое внимание поглощает новая, нарождающаяся личность в этом обществе, новый человек.

Я внимательно читаю книги и статьи, указывающие мне, насколько новая зарождающаяся культура уже пытается обогатить себя. То, что представляется Толстого и Гоголя, — это одно дело, совсем же другое дело, для чего он это делает. Но самый факт освоения культурного наследия прошлого сам по себе является уже творческим актом, как все равно когда это освоение культурного наследия феодального общества было тем же самым для нарождающегося буржуазного общества. Но культурное наследие обогащает наследников лишь при условии, когда эти последние по-новому перерабатывают оставшиеся им культурные ценности прошлого.

время, как первая пятилетка, увеличиваясь успехом, открывает путь широкой массам СССР к полному уровню в материальном и благосостоянии в вообще культурного уровня, в Европе возникает чудовищное прозябанье немецкого фашизма. Наша интеллигенция, конечно, не может не видеть огромной разницы столь различных миров, не может не заметить результатов, вытекающих из столь различных общественно-политических систем. В самом деле, в то время как в СССР растет число научных и др. учреждений, растут тысячи школ и вузов, повсюду открываются новые библиотеки, немецкие фашисты на площадях публично сжигают тысячи книг.

— Какие основные проблемы современности (в литературе, науке, культуре, политике, экономике и пр.) представляют сегодня для человеческого общества наибольшее значение и какова, по вашему мнению, роль революционного пролетариата и в особенности Советского союза в разрешении этих проблем?

Мне бы хотелось выделить значительные так называемые точные науки. Их роль и значение во всех затрагиваемых вами вопросах областей само собой понятны. Что же касается проблемы, обнимающей вопросы духовной культуры, то тут потребовалась бы целая книга, чтобы хоть сколько-нибудь кратко изложить ответ на ваш вопрос. Однако кратко я бы мог сформулировать мой ответ: самой главной, самой характерной чертой современного состояния умов у нас, в СССР, является гибель индивидуализма в его сложившейся буржуазной форме. Отсюда, как мне кажется, перелом вытекает и ответ на ваш вопрос, не менее сложную часть вопроса.

— Что (в какой области) интересует меня в Советском союзе больше всего из области исторического творчества, так и для интересующих меня работ в области археологии?

Что касается археологии, я в большинстве случаев слежу за всем тем, что сделано в этой области советскими учеными в Центральной Азии. Меня очень интересует их широкое исследование памятников культуры, объекты и планы, размещавшиеся в ближайшем будущем.

— Я думаю, что прогресс наших взглядов в области просо-буддийских и ирано-буддийских культур в большой степени, по крайней мере в течение ближайших десяти лет, будет зависеть от результатов работ наших ученых.

С неменьшим интересом я также слежу за всем тем, что дают находки, связанные с пластическими искусствами, с предметами фетишизма древних эпох, с искусством скифов. Мне не хотелось бы слишком углубляться в эту сторону. Мне хотелось бы только подчеркнуть, что искусство скифов является сейчас главным источником для понимания жизни народов древней Азии. Мне кажется, что оно нашло формы выражения, оказавшие огромное влияние на искусство культуры в Китае и Персии эпохи Сасакидов. В этом смысле еще больше убеждает великолепное собрание предметов скифского искусства в вашем Эрмитаже в Ленинграде.

И, наконец, я должен заметить, что слышком еще незначительны раскопки, сделанные в могильниках, хранящих огромные богатства. Тут нельзя не поразиться, что большая часть их находится на территории СССР.

Что касается моих литературных работ и того, что меня больше всего интересует в СССР, — это возрождение новой культуры, рождение нового человека в нашей стране.

Человек-коммунист, человек бесклассового общества, выходящий из пролетарской среды, и который формирует именно здесь, у нас, столь же отличен от современного буржуазного капиталистического общества, как этот последний отличен от человека средневекового общества христианской культуры.

Создание нового общества, основанного на ценностях, за которые борются и многие из нас, представляет исключительный интерес для меня. И если хотите, еще более точно, все мое внимание поглощает новая, нарождающаяся личность в этом обществе, новый человек.

Я внимательно читаю книги и статьи, указывающие мне, насколько новая зарождающаяся культура уже пытается обогатить себя. То, что представляется Толстого и Гоголя, — это одно дело, совсем же другое дело, для чего он это делает. Но самый факт освоения культурного наследия прошлого сам по себе является уже творческим актом, как все равно когда это освоение культурного наследия феодального общества было тем же самым для нарождающегося буржуазного общества. Но культурное наследие обогащает наследников лишь при условии, когда эти последние по-новому перерабатывают оставшиеся им культурные ценности прошлого.

Так с помощью обычного бинокля с определенным расположением его стоек мы хорошо видим человека на расстоянии ста метров и плохо на расстоянии десяти метров и совсем не видим на расстоянии десяти километров. С помощью же полевого бинокля мы ничего не видим на расстоянии десяти метров, плохо видим на расстоянии ста метров и хорошо на расстоянии десяти километров. Идеология определяет поле зрения.

Безличные фотографические отпечатки, относящиеся ко времени, когда фото только появилось, не имели еще никаких качеств так называемой художественной фотографии, мы не находили там никаких признаков артистической индивидуальности. Однако они отличались своим стилем, и мы распознаем их теперь как индивидуальные фрески.

И если точного овладения моделью (объектом наблюдения) и художественного выполнения не существует, то все же воля артиста, его стремление к этому овладению, является художественной ценностью и вполне реальным понятием. В познании мира с помощью искусства вполне различимы действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциональное воздействие, она возбуждает нас. Задача же психологической литературы является познание. И это особое художественное познание. Оно по-своему различает предмет лирического воплощения действительности от приемов, которыми пользуется психологическая литература. Лирика не стремится к пониманию вещей, ее задачей является скорее эмоциона